ГИ ДЕ МОПАССАН

GUY DE MAUPASSANT

МОПАССАН

Весной

и другие рассказы

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОКРОВСКИЙ И СЫНОВЬЯ

Весной и другие рассказы
Ги де Мопассан

Аннотация
Ги де Мопассан. Весной и другие рассказы
Весной
Избавление
Могильные
Знак
Драгоценности
В пути

Аннотация

Когда с наступлением первых солнечных дней земля пробуждается и одевается зеленью, а теплый благоуханный воздух ласкает нам кожу, вливается в грудь и как будто проникает в самое сердце, – нас охватывает смутное ощущение бесконечного счастья, желание бежать, идти, куда глаза глядят, искать приключений, упиваться весной. В каждой из новелл представленных в этом сборнике весна, любовь и жажда обновления представлены сполна.

В сборник вошли следующие рассказы и новеллы:

«Весной», «Избавление», «Могильные», «Знак», «Драгоценности», «В пути»

Ги де Мопассан
Весной и другие рассказы

Guy de Maupassant
Au printemps
Sauvée
Les tombales
Le Signe
Les Bijoux
En voyage

© ИП Воробьёв В. А.
© ООО ИД «СОЮЗ»

* * *

Весной

Когда с наступлением первых солнечных дней земля пробуждается и одевается зеленью, а теплый благоуханный воздух ласкает нам кожу, вливается в грудь и как будто проникает в самое сердце, — нас охватывает смутная жажда бесконечного счастья, желание бежать, идти, куда глаза глядят, искать приключений, упиваться весной.

Зима была в этом году очень суровая, и эта потребность расцвести опьянила меня в мае, как вино, нахлынула, как волна переливающихся через край соков. Проснувшись однажды утром, я увидел сквозь окно над соседними домами большую голубую пелену неба, пронизанную солнцем. Висевшие на окнах канарейки заливались; горничные распевали на всех этажах; веселый гул поднимался с улицы; и я вышел в праздничном настроении, чтобы пойти куда-нибудь. Прохожие улыбались; дыхание счастья веяло всюду, разливаясь вместе с горячим светом вернувшейся весны. Можно сказать, что над городом реяло дуновение любви, и молодые жен-

щины, проходившие мимо в утренних костюмах, с затаенной нежностью в глазах и мягкой грацией движений, наполняли мое сердце смущением.

Не знаю как и почему, я вышел на берег Сены. Пароходики тянулись вереницей по направлению к Сюрену, и меня вдруг охватило непреодолимое желание углубиться в чащу леса. Палуба катера была полна пассажирами, так как первые солнечные лучи манят вас невольно из жилища, и все двигаются, ходят взад и вперед, заговаривают с соседями. У меня была соседка, — какая-то работница без сомнения, миловидная блондинка с локонами; вьющиеся волосы, точно сотканные из света, спускались на уши, доходили до затылка, развевались по ветру и переходили ниже в пушок, такой тонкий, легкий и светлый, что его едва было видно, и тем не менее являлось неудержимое желание осыпать его поцелуями. Под моим пристальным взглядом она обернулась и вдруг опустила глаза, между тем как легкая складка, похожая на готовую появиться улыбку, залегла в углах ее рта, делая видным и там тонкий, шелковистый пушок, который слегка золотило солнце.

Спокойная река расширялась. Знойная тишина реяла в воздухе, и шорох жизни, казалось, напол-

нял пространство. Моя соседка подняла глаза, и на этот раз, так как я продолжал на нее смотреть, решительно улыбнулась. Она была очаровательна; ее беглый взгляд сказал мне о тысяче неизведанных мною доселе вещей. Я увидел в нем неведомую глубину, обаятельную нежность, поэзию, о которой мы грезим, счастье, которое мы ищем без конца. И меня охватило безумное желание обнять ее и унести куда-нибудь, чтобы шептать ей звучные, как музыка, слова любви.

Я уже готов был открыть рот и заговорить с ней, как вдруг кто-то дотронулся до моего плеча. Я обернулся с удивлением и увидел просто одетого человека, средних лет, который грустно смотрел на меня.

— Мне надо поговорить с вами, — сказал он.

Я сделал гримасу, которую он без сомнения заметил, так как прибавил: — По важному делу.

Я встал и последовал за ним на другой конец судна: — Сударь, — продолжал он, — когда наступает зима со своими холодами, дождем и снегом, доктор говорит вам ежедневно: — Держите ноги в тепле, остерегайтесь простуды, насморка, бронхита, плеврита. — Тогда вы принимаете множество предосторожностей, надеваете фланелевое белье, теплое пальто, толстые башмаки,

что не мешает вам проводить всякий раз два месяца в постели. Но когда возвращается весна с ее листвой и цветами, теплыми, располагающими к неге ветерками, благоуханием полей, которое вызывает в вас смутное волнение, беспричинную нежность, то никто не приходит сказать вам: — Сударь, остерегайтесь любви! — Она притаилась всюду; она караулит вас во всех углах; она расставила свои сети, отточила оружие, приготовила капканы! Берегитесь любви!.. Берегитесь любви! Она опаснее насморка, бронхита и плеврита! Она не прощает и заставляет совершать всех непоправимые глупости. — Да, сударь, я утверждаю, что правительство обязано ежегодно вывешивать на стенах большие афиши со следующими словами: Наступление весны. Французские граждане, берегитесь любви! Так же, как пишут на дворах домов: осторожнее, не запачкайтесь! — И вот, так как правительство не делает этого, то я заменяю его и говорю вам: Берегитесь любви; они готова захватить вас в свои лапы, и мой долг предупредить вас подобно тому, как в России предупреждают прохожего, у которого отморожен нос.

Я стоял, ошеломленный, перед этим странным незнакомцем и, наконец, внушительно произнес: — Мне кажется, что это вас совсем не касается,

сударь.

Он сделал резкое движение и ответил: — О, сударь, сударь! Если я вижу человека, который готов утопиться, то неужели я должен позволять ему гибнуть? Выслушайте мою историю, — вы поймете, почему я решаюсь говорить с вами так.

Это было в прошлом году, в это же время. Прежде всего я должен вам сказать, сударь, что служу в морском министерстве, где наше начальство, комиссары, эти канцелярские крысы, так чванятся своими офицерскими погонами, что обращаются с нами, как с матросами. Ах, если бы все начальники были штатскими! — но возвращаюсь к рассказу. — Итак, я увидел из своей канцелярии кусочек ярко голубого неба, по которому летали ласточки; и меня среди моих черных папок охватило желание танцевать. Жажда свободы заговорила во мне с такой силой, что, несмотря на все свое отвращение, я пошел к своему повелителю. Это был маленький, вечно злой брюзга. Я сказался больным. Он взглянул мне прямо в лицо и крикнул: — Я не верю этому, сударь; но все равно, убирайтесь! Неужели вы думаете, что канцелярия может, работать с такими чиновниками! Я дал тягу и вышел к Сене. Была такая же погода, как сегодня: я сел на катер,

чтобы проехаться в Сен-Клу.

— Ах, сударь! — мой начальник обязан был не отпускать меня!

Мне казалось, что душа у меня распускается под лучами солнца. Я любил все: пароходик, реку, деревья, дома, моих соседей, — все. Мне хотелось поцеловать что-нибудь, что бы то ни было: то любовь расставляла западни.

Вдруг в Трокадеро на палубу вошла молодая девушка с маленьким свертком в руке и села против меня. Она была красива, да, сударь, красива; удивительная вещь: женщины кажутся нам лучше, чем они есть, в хорошую погоду, ранней весной; они опьяняют, в них есть какие-то чары, что-то особенное; точь в точь, как вино, когда его пьешь после сыра.

Я смотрел на нее, и она также смотрела на меня, — но только время от времени, как ваша соседка сию минуту. Наконец, после того, как мы насмотрелись друг на друга, Мне показалось, что мы достаточно знакомы, чтобы завязать разговор, и я заговорил с нею. Она ответила. Она была решительно очень мила, как и все окружающее. Она опьяняла меня, дорогой мой! В Сен-Клу она сошла, — я последовал за ней. Она должна была отнести заказ. Когда она вернулась, пароход уже

ушел. Я пошел рядом с нею, и разлитая в воздухе нега заставила нас обоих вздыхать.

— Как хорошо теперь в лесу, — сказал я.

Она ответила: — О, да!

— Не пройтись ли нам, мадмуазель?

Она бросила на меня украдкой быстрый взгляд, как бы для того, чтобы лучше определить, чего я стою; потом, после минутного колебания согласилась. И вот мы пошли рядом по лесу. Под еще редкой листвой, высокая, густая, ярко зеленая, точно покрытая лаком трава была затоплена солнцем и полна маленьких животных, которые также любили. Везде раздавалось пение птиц. Тогда моя спутница, опьяненная воздухом и ароматом полей, стала бегать и прыгать, я также побежал сзади, подпрыгивал подобно ей. Иногда, сударь, превращаешься в дурака! Потом она стала напевать множество вещей: арии из опер, песенку Мюзеты. Песенка Мюзеты! Какой поэтичной казалась она мне тогда. Я чуть не заплакал. Как кружит нам головы весь этот вздор: никогда не женитесь, послушайте меня, на женщине, которая поет на лоне природы, в особенности, когда она поет песенку Мюзеты!

Она вскоре устала и села на зеленом откосе. Я расположился у ее ног и схватил ее руки, малень-

кие исколотые иглой руки; это растрогало меня. Я подумал: — Вот знаки святого труда. — О, сударь, сударь! знаете ли вы, что значат они, — эти знаки святого труда? Они говорят о сплетнях мастерской, о сальностях, рассказываемых шёпотом, о загрязненном воображении, об утраченном целомудрии, о бессмысленной болтовне, об убожестве повседневных привычек, об узости кругозора женщин из простонародья, царящей в голове той, которая носит на конце пальцев знаки святого труда. Мы стали глядеть друг другу в глаза. Какую власть имеет взгляд женщины, как он волнует, захватывает, овладевает, господствует! Каким бесконечно глубоким и многообещающим кажется он! Это называется глядеть в душу! Что за вздор, сударь! Если бы действительно видели душу, не делали бы глупостей, поверьте.

Одним словом, я попал, как кур во щи, сумасшедший. Я хотел обнять ее. Она сказала: — Лапы прочь!

Тогда я стал подле нее на колени и открыл перед ней свою душу; я излил переполнявшую меня нежность. Она, казалось, была удивлена переменой моего поведения и посматривала на меня искоса, как бы говоря: А, вот как можно играть тобой, голубчик! ладно! посмотрим, что

будет дальше.

В любви, сударь, мы всегда простаки, а женщины коммерсанты. Я, конечно, мог бы взять ее; я понял после свою глупость, но я не искал тогда тела; мне нужна была нежность, нечто идеальное. Я изливал свои чувства, тогда как мне следовало лучше использовать время. Когда ей надоели мои излияния, она встала, и мы вернулись в Сен-Клу. Я расстался с нею только в Париже. У нее всю дорогу был такой печальный вид, что я спросил ее, что с ней. Она ответила: — Я думаю, что это день, каких немного в жизни. Сердце у меня чуть не выскочило из груди.

Я увидел ее снова в следующее воскресенье, через неделю опять, и так каждое воскресенье. Я возил ее в Буживаль, Сент-Жермен, Мэзон-Лафит, Пуасси; всюду, где разыгрываются любовные истории предместья. Маленькая плутовка, в свою очередь, «воспылала ко мне страстью». Я окончательно потерял голову и через три месяца женился на ней.

Что делать, сударь! — Я был одинокий чиновник, без семьи, никто не мог дать мне совета. Воображаешь, что женщина скрасит жизнь! И женишься на этой женщине. Тогда она начинает ругать вас с утра до вечера, ничего не понимает,

ничего не знает, болтает без умолку, поет во все горло песенку Мюзеты (о, эта песенка Мюзеты! она может вымотать всю душу!), дерется с угольщиком, рассказывает дворничихе подробности относительно своей семейной жизни, поверяет соседней горничной все тайны алькова, вводит своего мужа в долги; и голова у нее начинена такими глупыми историями, такими идиотскими суевериями, такими забавными мнениями и чудовищными предрассудками, что я, сударь, плачу от отчаяния всякий раз, как говорю с ней.

Он замолк, слегка задыхаясь и очень взволнованный. Я смотрел с жалостью на этого наивного беднягу, как вдруг пароход остановился. Подошли к Сент-Клу. Маленькая женщина, которая взволновала меня, встала, чтобы сойти на берег; проходя мимо, она бросила на меня взгляд, и на лице ее мелькнула улыбка, одна из тех улыбок, которые доводят вас до безумия; затем она спрыгнула на пристань. Я бросился вслед за нею, но мой сосед схватил меня за рукав; я высвободился резким движением; он вцепился в полы моего сюртука и тянул меня назад, повторяя: Вы не пойдете! Вы не пойдете! — таким громким голосом, что все обернулись; вокруг нас раздался смех, и я остановился в бешенстве, испугавшись скандала

и боясь попасть в глупое положение.

Катер тронулся. Маленькая женщина, оставшаяся на пристани, с разочарованным видом глядела, как я удаляюсь, в то время как мой мучитель шептал мне на ухо, потирая руки: Хотя я причинил вам неприятность, но оказал услугу, верьте мне.

Избавление

Маленькая маркиза де-Ренидон влетела в комнату, как камень через разбитое окно, и прежде чем заговорить — принялась хохотать. Она хохотала до слез, как делала это месяц тому назад, рассказывая свой приятельнице, как изменила маркизу, чтобы отомстить ему: исключительно для того, чтобы отомстить ему, и всего один раз, потому что он слишком глуп и ревнив. Маленькая баронесса де-Гранжери бросила на диван книгу, которую перед тем читала, и, тоже смеясь, с любопытством смотрела на Аннет. Наконец, она спросила:

— Ну, что ты еще наделала?

— О, дорогая моя… Дорогая моя… Это уморительно… уморительно… представь себе… я избавилась!.. избавилась!.. избавилась!..

— Как избавилась?

— Так, избавилась!

— От чего?

— От мужа, дорогая моя! Я избавилась! Я свободна! свободна! свободна!

— Как свободна? Каким образом?

— Каким образом? Развод! Да развод! Я начинаю развод!

— Ты развелась?

— Да нет еще, какая ты глупая! Нельзя развестись в три часа! Но у меня есть доказательства… доказательства… доказательства того, что он мне изменяет… я застала его на месте преступления… представь себе!.. На месте преступления… Он теперь в моих руках…

— Ах, расскажи мне про это! Так он тебя обманывал?

— Да… то есть нет… и да, и нет… я не знаю. Но в конце концов, у меня есть доказательства. Это несомненно.

— Как же ты это сделала?

— Как я сделала? Слушай… О, я была упорна, непоколебима. Вот уже три месяца, как он стал невыносим, груб, невежлив, упрям, прямо-таки мерзок. Я сказала себе: «Это не может так продолжаться, надо решиться на развод!» Но как? Это было вовсе не легко. Я пробовала заставить его побить меня. Он не захотел. Он пререкался со мной с утра до вечера, заставлял выходить из дома, когда я не хотела, и сидеть дома, когда мне хотелось обедать в ресторане. Он отравлял мне жизнь целую неделю. Тогда я постаралась

узнать, нет ли у него любовницы. Оказалось, что есть, но отправляясь к ней, он принимал тысячи предосторожностей. Невозможно было застать их вместе. Тогда догадайся-ка, что я сделала?

— Не представляю себе.

— О, ты никогда не догадаешься. Я упросила своего брата достать мне фотографию этой особы.

— Любовницы твоего мужа?

— Да. Жаку это обошлось в пятнадцать луидоров: столько стоить поужинать с ней от семи часов, вечера до двенадцати. Три луидора в час. Сверх всего прочего, он получил от этой особы ее фотографию.

— Мне кажется, это можно было сделать при помощи какой-нибудь хитрости и без того, чтобы… чтобы быть обязанным в то же время вступать в обладание оригиналом.

— О, она хорошенькая. Жаку это не было неприятно. Кроме того, мне нужно было знать подробности, физические подробности об ее фигуре, груди, цвете лица, словом — о тысяче разных вещей.

— Я ничего не понимаю.

— Сейчас увидишь. Когда я узнала все, что хотела знать, я постаралась увидеть одного… как бы тебе сказать… делового человека… Ну, знаешь…

одного из тех людей, которые занимаются всякими делами… всякого сорта. Одного из агентов по… по… по… устройству рекламы… Они же бывают свидетелями… Одного из… Ну, ты в конце концов понимаешь?

— Да, немного. И что же ты ему сказала?

— Показав ему фотографию Клариссы (ее зовут Клариссой), я сказала:

— Послушайте, мне нужна горничная, которая была бы похожа на эту особу. Я хочу, чтобы она была хороша собой, изящна, стройна, чистоплотна. Я заплачу ей столько, сколько она захочет. Пусть это мне стоит хоть две тысячи франков. Она мне будет нужна не больше, как три месяца.

Он был очень удивлен и спросил:

— Вам угодно, чтобы она была безукоризненна?

Я покраснела и пробормотала:

— Ну, да, в смысле честности.

Он отвечал:

— И… в смысле нравственности?

Я не решилась ответить ничего. Я только сделала знак головой, как бы говоря: нет. Потом я вдруг поняла, что у него появилось ужасное подозрение, и воскликнула, потеряв всякое самообладание:

— О, знаете… Это для моего мужа… он мне изменяет… он мне изменяет на стороне… я хочу… я хочу, чтобы он изменял мне дома… понимаете?.. Чтобы поймать его… Тут этот человек принялся хохотать. И я поняла по его глазам, что он снова стал относиться ко мне с уважением. Он нашел меня очень решительной. Я убеждена, что в эту минуту ему страшно хотелось пожать мою руку. Он сказал:

— В восемь часов, сударыня, я буду к вашим услугам. Если понадобится, мы переменим горничную. Я ручаюсь за успех. Вы заплатите мне только после успешного окончания дела. Значит, это фотография любовницы вашего мужа?

— Да.

— Красивая особа, тонкие черты лица. А какие духи?

Я не поняла и переспросила:

— То-есть как какие духи?

Он улыбнулся:

— Да, сударыня, чтобы соблазнить мужчину, духи необходимы; это наводит его на ряд бессознательных воспоминаний и делает восприимчивым; духи порождают в его уме какие-то смутные представления, заставляют его вздрагивать и волноваться при воспоминании о былых

удовольствиях. Надо также постараться узнать, что обыкновенно кушает ваш супруг, когда она обедает с этой дамой. В тот вечер, когда вы захотите его накрыть, вы можете подать ему те же самые кушанья. О, мы его поймаем, сударыня, мы его поймаем!

Я ушла от него в восторге, Мне, действительно попался человек очень умный… Через три дня ко мне явилась высокая девушка, брюнетка, очень красивая; лицо у нее было одновременно и скромно, и вызывающе, обычное лицо продажной женщины. Со мной она была очень обходительна. Так как я не очень знала, кто она такая, то я стала называть ее «мадемуазель». Тогда она мне сказала:

— О, сударыня, вы можете звать меня просто Роза.

Мы разговорились.

— Итак, Роза, вы знаете, зачем вы здесь?

— Так точно, сударыня.

— Отлично, голубушка… А это вам не слишком неприятно?

— О, сударыня, ведь это уже восьмой развод, который я устраиваю; я привыкла.

— Ну, отлично. Много ли вам нужно времени, чтобы все устроить?

— О, сударыня, это зависит от темперамента вашего супруга. Пробыв с ним минут пять наедине, я смогу дать вам точный ответ.

— Вы его сейчас увидите, миленькая. Но я вас предупреждаю, что он некрасив.

— Это мне безразлично, сударыня… Я уже имела дело с очень безобразными. Но я хотела бы спросить у вас: вы уже осведомлены относительно духов?

— Да, милая Роза: вербена.

— Тем лучше, сударыня: я очень люблю этот запах. Кроме того, не можете ли мне сказать: любовница вашего супруга носит шелковое белье?

— Нет, голубушка: батистовое с кружевами.

— А, в таком случае, — это очень элегантная особа. Шелковое белье становится слишком распространенным.

— То, что вы говорите, очень верно!

— Итак, сударыня, я приступаю к обязанностям.

Действительно, она тотчас же принялась за дело, точно всю жизнь была горничной. Через час вернулся мой муж. Роза не посмотрела на него, но он на нее посмотрел. Он уже почувствовал запах вербены. Через пять минут Роза вышла из комнаты. Он сейчас же спросил меня:

— Что это за девица?

— Моя новая горничная.

— Где ты ее разыскала?

— Мне прислала ее баронесса де-Гранжери с самой хорошей аттестацией.

— Она довольно хорошенькая.

— Ты находишь?

— Да… для горничной.

Я была в восторге. Я чувствовала, что уже клюнуло. В тот же вечер Роза сказала мне:

— Теперь я могу обещать вам, что это не протянется больше двух недель. Ваш супруг поддается очень легко.

— А, вы уже испытали?

— Нет, сударыня; но это видно с первого взгляда. Ему уже хочется обнять меня, когда он проходит мимо.

— Он ничего вам не говорил?

— Нет, сударыня. Он только спросил, как меня зовут… чтобы услышать мой голос.

— Отлично, милая Роза. Действуйте как можно хитрее.

— Не беспокойтесь, сударыня. Я не стану сопротивляться дольше, чем это нужно для того, чтобы не уронить себя.

Дней восемь мой муж почти не уходил из дома.

Он целыми днями слонялся по комнатам; и что было наиболее примечательно в его поведении это то, что он больше не запрещал мне уходить. А я по целым дням бывала вне дома, чтобы… чтобы предоставить ему свободу. На девятый день, раздевая меня, Роза сказала с робким видом:

— Сударыня, это случилось сегодня утром.

Я была очень удивлена. Не самим фактом, конечно, а тем тоном, каким она мне это сказала. Я проговорила:

— И что же все обошлось хорошо?

— О, очень хорошо, сударыня. Он приставал ко мне уже три дня, но я не хотела сдаваться слишком скоро. Будьте добры предупредить меня: когда вы желаете застать нас на месте преступления?

— Отлично, милочка. Постойте: назначим четверг.

— Ну, что же, сударыня, хоть четверг.

— Назначим на пять часов, милая Роза.

— Отлично, сударыня, в пять часов; а где?

— Ну, хоть… в моей комнате.

— Идет; в вашей комнате.

Ну, милая моя, ты понимаешь, что я стала делать. Я бросилась к родителям, потом к дяде в Орвелен, потом к г. Раплэ, судье, другу моего

мужа. Я ничего не сказала им относительно того, что хочу им показать. Я заставила всех их на цыпочках подойти к двери, ведущей в мою комнату. Я ждала пяти часов… О, как билось мое сердце! Я также велела прийти привратнику, чтобы у меня было одним свидетелем больше. И вот… и вот, в тот момент, когда часы начали бить пять — я распахиваю дверь настежь. Ах! Ах! Ах! Все было как на ладони… Как на ладони… дорогая моя… О, какая физиономия! …Если бы ты только видела его физиономию!.. Он отвернулся. Вот идиот! Ах, до чего он был смешон!.. Я хохотала, хохотала… Папа был возмущен, хотел ударить моего мужа, но все-таки и он хохотал. И привратник, который помогал ему одеться при нас… при нас… Он застегивал его подтяжки… Это было до того уморительно!. Но Роза — это было нечто поразительное!.. Прямо-таки поразительно… Она плакала великолепно плакала… Драгоценная девушка!.. Если тебе когда-нибудь понадобится ты не забудь про нее… И вот… Я сейчас же пришла рассказать это тебе… сейчас же. Я свободна. Да здравствует развод!..

И она стала танцевать по гостиной. Маленькая баронесса с мечтательным и обиженным видом проговорила:

— Почему же ты не позвала меня посмотреть на — все это?

Могильные

Пятеро приятелей закончили обедать, пятеро богатых светских людей зрелого возраста, трое женатых, а двое холостых. Они собирались так ежемесячно в память своей молодости и, пообедав, разговаривали до двух часов, ночи. Оставшись близкими друзьями, они чувствовали себя прекрасно в обществе друг друга, и, быть может, это были лучшие вечера их жизни. Болтали на разные темы, обо всем, что занимает и забавляет парижан; впрочем, как и в большей части гостиных, разговор их был пережевыванием утренних газетных известий.

Один из самых веселых был Жозеф де-Бардон, — холостяк, самым полным и причудливым образом использовавший жизнь Парижа. Он вовсе не был кутилой или развратником; это был просто любопытный и еще не старый человек, так как ему не было и сорока лет, светский человек в самом широком и лучшем смысле этого слова, одаренный большим умом без особой глубины, всесторонним знанием без истинной эрудиции, быстрой сообразительностью без

настоящей проницательности: он извлекал из своих наблюдений и приключений, из всего, что видел встречал и находил, анекдоты в духе романа, комического и философского одновременно, и юмористические афоризмы, создавшие ему в городе репутацию большого ума. Он был оратором обеда. У него всякий раз была какая-нибудь история, на которую рассчитывали. Он начал рассказывать прежде, чем его попросили.

Он курил, положив локти на стол, с недопитой рюмкой коньяку перед тарелкой, погрузившись в оцепенение в ароматической атмосфере табака и горячего кофе, и, казалось, чувствовал себя как дома, подобно тому как некоторые существа чувствуют себя вполне в своей стихии в некоторых местах и в некоторые моменты жизни, — например, набожный человек в часовне или золотая рыбка в аквариуме. Он сказал между двумя затяжками:

— Со мной случилась несколько времени тому назад странная история.

Все воскликнули разом:

— Расскажите!

Он продолжал:

— Охотно. Вы знаете, что я много гуляю по Парижу, как любитель безделушек, который роется в

витринах. Я подмечаю сценки, наблюдаю людей, всех, кто проходит, и все, что происходит. Итак, в начале сентября, в прекрасный солнечный день, я вышел однажды из дома, сам не зная, куда пойду. Всегда есть смутное желание навестить какую-нибудь хорошенькую женщину… Выбираешь в своей галерее, сравниваешь мысленно, взвешиваешь интерес, который они возбуждают, их очарование и решаешь, наконец, смотря по настроению. Но когда солнце ярко светит, и воздух тепл, — они отнимают часто всякое желание идти к кому-нибудь.

Солнце светило; было тепло. Я зажег сигару и пошел, куда глаза глядят, по бульвару на окраине. Потом, так как я бродил бесцельно, мне пришла мысль дойти до Монмартрского кладбища и зайти туда. Я очень люблю кладбища; я отдыхаю там и погружаюсь в меланхолию: я чувствую потребность в этом. Кроме того, там есть хорошие друзья, из тех, которых не навещают более; что же касается меня, то я продолжаю время от времени бывать у них. Как раз Монмартрское кладбище хранит одну мою любовную историю, — там погребена любовница, которая сумела задеть самые интимные струны моего сердца, прелестная молодая женщина, воспоминание о которой в одно

и то же время заставляет меня очень страдать и сожалеть о многом... И я хожу мечтать на ее могилу для нее все конечно!..

А потом я очень люблю кладбища, так как это чудовищные города с гигантским населением. Подумайте только, сколько мертвых на таком маленьком пространстве, сколько поколений парижан поселилось там навсегда, сколько троглодитов, заключенных навеки в могильные склепы, в маленькие пещеры, прикрытые камнем или отмеченные крестом, между тем как живые занимают столько места, производят столько шума, глупцы... Затем, на кладбищах встречаются памятники почти столь же интересные, как и в музеях. Могила Кавеньяка заставила меня вспомнить, признаюсь в этом, не делая сравнения, — великое произведение Жана Гужона: тело Луи де-Бреза, покоящееся в подземной часовне Руанскаго Собора; — все так называемое современное и реалистическое искусство идет оттуда, господа. Этот мертвец Луи де-Бреза ближе к действительности, ужасные со своей каменной плотью, изуродованной конвульсиями агонии, чем все трупы, которые корчатся на наших гробницах. Но на Монмартрском кладбище можно кроме того полюбоваться полным величия па-

мятником Бодена, памятниками Готье и Мюрже, на последнем я как-то раз видел маленький, одиноко лежавший венок из желтых иммортелей. Кто принес его? Может быть, последняя состарившаяся гризетка, ставшая теперь привратницей где-нибудь в окрестностях. Эта статуэтка Милье красива, но она разрушается от недостатка ухода и грязи. Певец молодости Мюрже!

Итак, я вошел на Монмартрское кладбище, и вдруг меня охватила грусть, та легкая грусть, которая наводит здоровых людей на мысль: — Невеселое это место, но мой час еще не пришел. Ощущение осени, той теплой сырости, запах которой распространяют умирающие листья и ослабевшее, усталое, бледное солнце, усиливало, поэтизируя, чувство одиночества и невозвратной кончины, реющее над этим местом, от которого веет смертью. Я медленно продвигался по этим могильным улицам, на которых соседи не посещают друг друга, не спят больше вместе и не читают газет. И я стал читать эпитафии; кстати сказать, — это самая забавная вещь в мире. Никогда ни Лабиш, ни Мейлак не заставляли меня так смеяться, как надгробная проза. Насколько превосходит Поль де-Кока в умении развеселить вся эта литература, все написанное на мраморных

досках и крестах, где родные умерших излили свои сожаления, пожелания счастья исчезнувшим в загробном мире и надежду объединиться с ними, — болтуны! Но больше всего я обожаю на этом кладбище покинутую, пустынную часть его, заросшую высокими тисовыми деревьями и кипарисами, старый участок, где лежат мертвецы с незапамятных времен, и который вскоре станет новым; зеленые деревья, вскормленные человеческими трупами, будут там вырублены, и ряды новых покойников вытянутся под маленькими мраморными плитами.

После того, как я побродил и освежился, мне стало скучно, и я решил пойти к последнему ложу своей маленькой подруги, чтобы почтить ее память. Со слегка сжимавшимся сердцем подходил я к ее могиле. Дорогая бедняжка, она была так мила, так влюблена, такая беленькая, свеженькая… а теперь если открыть это… Перегнувшись через железную решетку, я шептал ей о своем горе, хотя она, конечно, не слышала меня, и хотел уже уходить, как вдруг увидел женщину в черном, в глубоком трауре, стоявшую на коленях на соседней могиле. Откинутая креповая вуаль открывала хорошенькую белокурую головку, и широкие пряди ее волос казались освещенными

зарей под ее черным, как ночь, головным убором. Я остался.

Несомненно у нее было большое горе. Она закрыла глаза руками и суровая, сосредоточенная, как статуя, вся ушедшая в свою скорбь, перебирая перед закрытыми глазами четки мучительных воспоминаний, она казалась сама мертвой, размышлявшей о мертвом. Потом вдруг я догадался по легкому движению спины, похожему на трепет ивы, по которой пробегает ветер, что она начала плакать. Она плакала сперва тихо, затем сильнее, вздрагивая шеей и плечами. Внезапно она открыла глаза. Они были полны слез и прелестны; это были глаза безумной; она обвела ими вокруг, точно пробудившись от кошмара. Она увидела, что я смотрю на нее; по-видимому, сконфузилась и опять закрыла лицо руками. Рыдания ее сделались конвульсивными, и голова медленно склонилась на мрамор; она прильнула к нему лицом, и ее вуаль, раскинувшись кругом, покрыла белые углы дорогой гробницы как бы новым трауром. Я услышал ее стоны, потом она опустилась всем телом, опершись щекой на плиту, и замерла, потеряв сознание. Я поспешил к ней, хлопал ее по рукам, дул ей в лицо, читая тем временем весьма простую надпись: «Здесь

покоится Луи-Теодор Каррель, капитан морской пехоты, убитый врагом в Тонкине. Молитесь за него!» Умер он несколько месяцев тому назад.

Я был растроган до слез и удвоил свои заботы. Мне удалось привести ее в чувство. У меня был очень взволнованный вид; — я недурен собой, мне еще нет сорока лет. Я понял с первого ее взгляда, что она будет любезна и признательна. Так оно и было; вновь заливаясь слезами, она рассказала с паузами, среди всхлипываний, свою историю: о смерти офицера, павшего в Тонкине через год после женитьбы на ней по любви, так как она была круглой сиротой, и все ее приданое заключалось в реверсе. Я ее утешал, ободрял, поднимал.

Потом я сказал ей: Не оставайтесь здесь пойдемте.

Она прошептала:

— Я не в состоянии идти.

— Я поддержу вас.

— Благодарю, сударь, вы добры. Вы также оплакивали здесь умершего?

— Да, сударыня.

— Умершую?

— Да, сударыня.

— Вашу жену?

— Нет, подругу.

— Можно любить подругу так же, как жену: у страсти нет законов.

— Да, сударыня.

И вот мы отправились вместе; она опиралась на мою руку, и я почти нес ее по дорожкам кладбища. Когда мы вышли из ограды, она прошептала, еле держась на ногах:

— Я чувствую, что мне сейчас будет дурно.

— Не хотите ли зайти куда-нибудь? Выпить чего-нибудь?

— Да, сударь.

Я увидел ресторан, один из тех ресторанов, куда друзья умерших заходят попировать, отбыв свою тяжелую повинность. Мы вошли туда. И я заставил ее выпить чашку горячего чая, который, казалось, вернул ей жизнь. Едва уловимая улыбка заиграла на ее губах. Она стала говорить мне о себе. «Так тяжело, так тяжело быть совсем одинокой, всегда одной, и днем и ночью, не иметь более никого, кому можно было бы отдать свою любовь, открыть всю свою душу».

Она, казалось, говорила искренне. Это звучало очень мило в ее устах. Я растрогался. Она была очень молода, лет двадцати, может быть. Я наговорил ей комплиментов, которые она охотно

принимала. Потом, по прошествии часа, я предложил ей отвезти ее домой. Она согласилась; в карете мы очутились рядом, плечом к плечу, так близко друг к другу, что чувствовали теплоту наших тел сквозь одежду, а это самая волнующая вещь в мире.

Когда экипаж остановился у ее дома, она прошептала:

— Я чувствую себя не в силах взойти одна по лестнице, так как живу на четвертом этаже. Вы были так добры, не поможете ли вы мне дойти до моей квартиры?

Я согласился с величайшей готовностью. Она поднималась медленно, тяжело дыша. Потом прибавила перед дверью:

— Войдите же на несколько минут, чтобы я могла поблагодарить вас.

И я вошел, черт возьми!

У нее было скромно, даже немного бедно, но просто и уютно. Мы сели друг подле друга на маленькой кушетке, и она снова заговорила о своем одиночестве. Она позвонила горничной, чтобы предложить мне чего-нибудь выпить. Горничная не явилась. Я был в восторге, подозревая, что эта горничная бывала только по утрам: то, что называется приходящей прислугой.

Она сняла свою шляпу. Она, положительно, была очень мила со своими ясными глазами, устремленными на меня, такими ясными и так пристально устремленными, что я не мог удержаться от искушения. Я обнял ее и стал осыпать глаза, которые вдруг закрылись, поцелуями… поцелуями без конца. Она отбивалась, отталкивая меня и повторяя:

— Перестаньте… перестаньте… перестаньте же…

Чтобы заставить ее замолчать, я перешел от глаз к губам. Она не слишком сопротивлялась, и когда мы взглянули друг на друга снова после этого оскорбления памяти капитана, павшего в Тонкине, она имела расслабленный, нежный, покорный вид, развеявший мою тревогу. Тогда я стал любезным, предупредительным и признательным. После нового разговора, в продолжение приблизительно часа, я спросил ее:

— Где вы обедаете?

— В маленьком ресторане неподалеку.

— Одна?

— Да, конечно.

— Не хотите ли вы пообедать со мной?

— Где же?

— В хорошем ресторане на бульваре.

Она слегка запротестовала; я настаивал: она уступила, говоря в свое оправдание:

— Я так скучаю… Так скучаю; — потом она прибавила: Надо вместо этого платья надеть другое, менее мрачное.

И она пошла в спальню.

Когда она вышла оттуда, на ней был полу траурный серый, очень простой костюм; она была тоненькая, изящная и очаровательная. У нее, очевидно, было два наряда: один кладбищенский, а другой городской.

Обед носил дружеский характер. Она выпила шампанского, загорелась, оживилась, и я вернулся с нею, к ней.

Эта связь, завязавшаяся на могилах, продолжалась около трех недель. Но все надоедает в конце концов, а в особенности женщины. Я покинул ее под предлогом неотложного путешествия. При отъезде я обнаружил большую щедрость, за что она была мне весьма благодарна. И она взяла с меня обещание, заставила дать клятву в том, что я приду к ней опять по возвращении назад, ибо она, казалось, не на шутку привязалась ко мне.

У меня были другие увлечения, и в течение почти месяца желание увидеть снова эту маленькую могильную возлюбленную не говорило во

мне с достаточной силой. Тем не менее я отнюдь не забывал ее… Воспоминание о ней преследовало меня, как тайна, как психологическая загадка, как один из тех неразрешимых вопросов, на которые, во что бы то ни стало, хочется найти ответ.

В один прекрасный день, — не знаю почему, мне представилось, что я снова увижу ее на Монмартрском кладбище. И я отправился туда. Я долго гулял, не встречая никого кроме обычных посетителей этого места, тех, кто не порвал еще всех отношений со своими умершими. На мраморной гробнице капитана, павшего в Тонкине, не было ни плакальщицы, ни цветов, ни венков. Но когда я блуждал в другом квартале этого большого города усопших, я заметил вдруг в конце узкой улицы из крестов шедшую по направлению ко мне парочку в глубоком трауре, мужчину и женщину. Представьте мое изумление! Когда они приблизились я узнал ее. Это была она! Она увидела меня, покраснела, и когда я задел ее при встрече, сделала мне едва заметный знак глазами, который означал: — Не узнавайте меня, — но который как будто говорил также: — Приходите ко мне опять, дорогой мой.

Мужчина был красивой наружности, с изысканными манерами, изящно одетый, кавалер

ордена Почетного Легиона, лет пятидесяти. И он поддерживал ее так же, как и я тогда, уходя с кладбища. Я ушел изумленный, спрашивая себя, что я видел сейчас, — к какой породе людей принадлежит эта охотница на гробницах. Была ли она простой публичной женщиной, вдохновенной проституткой, которая приходила на могилы подбирать тоскующих мужчин, преследуемых мыслью о женщине, супруге или любовнице, и тревожимых еще воспоминаниями о канувших в вечность ласках. Одна ли она? Или их несколько? Составляет ли это особую профессию? Ходят ли по кладбищу так же, как по тротуару? Могильные! Или же ее одну осенила эта удивительная мысль, глубокая философская идея, эксплуатировать скорбь любящих сердец, которая оживает в этих мрачных местах. И мне очень хотелось бы знать, чьей вдовой была она в этот день.

Знак

Маленькая маркиза де-Ренндонъ еще спала в своей закрытой со всех сторон и раздушенной спальне, на своей широкой, мягкой и низкой кровати, среди легкого батистового белья, тонкого, как кружева, и нежного, как поцелуй; она спала одна, в полном спокойствии, счастливым и крепким сном разведенной.

Разбудили ее два голоса, громко разговаривавшие в маленькой синей гостиной. Она узнала свою ближайшую подругу, молоденькую баронессу де-Гранжери; баронесса, желая войти, пререкалась с горничной, охранявшей дверь в комнату своей хозяйки.

Тогда маленькая маркиза встала, отперла дверь, откинула портьеру и просунула в нее головку, окутанную целым облаком белокурых волос.

— Что это ты пришла так рано? — сказала она. — Нет еще даже девяти часов. Баронесса, вся бледная, нервная, возбужденная, отвечала:

— Мне надо с тобой поговорить. Со мной происходит нечто ужасное.

— Входи, дорогая моя.

Баронесса вошла; он поцеловались, и маленькая маркиза легла снова; тем временем горничная открывала окна, впуская в комнату свежий воздух и свет. Потом, когда служанка ушла, г-жа де-Репидон сказала:

— Ну, рассказывай.

Г-жа де-Гранжери заплакала теми хорошенькими слезами, которые делают женщину еще более очаровательной; при этом она не вытирала глаз, чтобы они не покраснели.

— О, дорогая моя, то, что со мной происходит, отвратительно, отвратительно! Я не спала всю ночь, ну — ни одной минутки! Слышишь? Ни одной минутки! Вот, послушай мое сердце, как бьется.

И, взяв руку своей подруги, она приложила ее к груди, к этой округлой и упругой оболочке женского сердца, которой часто мужчины вполне довольствуются и уже не ищут ничего под нею.

Она продолжала:

— Это со мной случилось вчера днем… около четырех часов… или в половине пятого. Я не знаю наверняка. Ты хорошо знаешь мою квартиру и знаешь, что маленькая гостиная, в которой я постоянно сижу, выходит на улицу С.-Лазар; тебе

также известно, что у меня мания сидеть у окна и смотреть на прохожих. Это очень весело: в нашем квартале железнодорожная станция, там все так подвижно, так привлекательно… Ну, словом, — я люблю это! И вот, вчера, сижу я на низеньком кресле, которое велела поставить возле самого окна; окно было открыто, и я ни о чем не думала: Я дышала чистым воздухом. Ты помнишь, какой вчера был хороший день? Вдруг я замечаю, что на другой стороне улицы тоже сидит у окна женщина, в красном платье; я была в хорошеньком платье цвета мов, — ты его знаешь. Я не знала этой женщины; она — новая квартирантка и переехала всего месяц тому назад; а так как целый месяц были дожди, то я еще не видала ее ни разу. Но я сразу же поняла, что это дурная женщина. Сначала мне это очень не понравилось; я была шокирована тем, что она так же сидит у окна, как и я. Она сидела, подперев рукой голову, и разглядывала мужчин, а мужчины тоже смотрели на нее: все — или почти все. Казалось, что, подходя к этому дому, они что-то чуяли, как собаки нюхом чуют дичь: они вдруг поднимали голову и обменивались с ней быстрым взглядом, точно Франк-масоны. Ее взгляд говорил: «Хотите?» Их отвечал: «Некогда», или: «В другой раз», или: «Ни

гроша», или: «Да спрячься же ты, дрянь эдакая». Последнюю фразу произносили глаза отцов семейства.

Ты себе представить не можешь, как забавно было глядеть, как она хлопотала или, точнее говоря, как она работала. Иногда она быстро захлопывала окно, и я видела, как какой-нибудь господин заворачивал в ворота. Она его поймала, как рыбак пескаря. Тогда я смотрела на часы. Они проводили вместе от двенадцати до двадцати минут, никогда не больше. В конце концов эта женщина-паук меня заинтересовала. Кроме того, она вовсе не была безобразна. Я спросила себя: «Как она делает, чтобы заставить понять себя так хорошо, быстро и до конца? Не прибавляет ли она к своему взгляду какого-нибудь движения головой или рукой?»

И вот, я взяла театральный бинокль, чтобы понять, как она это делает. О, это было очень просто: сперва взгляд, потом улыбка, потом совсем маленькое движение головой, которое означало: «Не зайдете ли наверх?» Но движение это было так легко, так незначительно и скромно, что право же надо обладать большим талантом, чтобы делать его так, как она.

Тут я стала себя спрашивать: Не могу ли и я

так же хорошо проделать этот маленький жест, такой смелый и вместе с тем изящный: да, ее жест был очень изящен.

Я пошла к зеркалу, чтобы попробовать. Дорогая моя, я его делала лучше, чем она, много лучше! Я была в восторге — и опять подошла к окну. Бедная! Теперь ей не удавалось поймать никого! Никого! Право, дело ее было плохо. Как все-таки это должно быть ужасно: зарабатывать хлеб таким образом! Ужасно — и иногда занимательно, потому что среди мужчин, которые попадаются на улице, бывают совсем недурные.

Теперь все они проходили по моему тротуару. По ее — ни одного. Солнце перешло на другую сторону. Они шли один за другим; молодые, старые, брюнеты, блондины, седые… Среди них я видела очень изящных, прямо-таки очень изящных, гораздо лучше моего мужа и гораздо лучше твоего, т. е. твоего бывшего, ведь ты разведена, теперь ты можешь выбирать. Я говорила себе: «А что, если я им сделаю знак? Поймут ли они меня, порядочную женщину?» И вот, я была охвачена сумасшедшим желанием сделать им знак… Это было ужасное желание, такое, какие бывают у беременных ты их знаешь… им невозможно противиться! У меня они бывали несколько раз.

Скажи: не глупо ли все это? Я думаю, что у нас, у некоторых женщин, обезьяньи души. Впрочем, меня уверяли (мне это сказал один доктор), что мозг обезьяны очень похож на наш. Мы вечно должны кому-нибудь подражать.

Когда мы их любим, в медовый месяц, мы подражаем своим мужьям, потом любовникам, подругам, духовникам, если они хороши собой. Мы перенимаем их манеру думать, говорить, их слова, жесты, все это глупо. Наконец, если меня очень тянет что-нибудь сделать, я всегда делаю.

И вот, я себе говорю: «Ну, я попробую на одном, всего на одном, чтобы только увидеть. Что со мной может случиться? Ничего! Мы обменяемся улыбками — вот и все, и я никогда больше его не увижу; а если и увижу, то он меня не узнает; а если он меня узнает, то я, черт возьми, отрекусь!»

Начинаю выбирать. Мне хотелось такого, который был бы очень интересен. Вдруг вижу идет высокий блондин, очень красивый мужчина. Я люблю блондинов, ты знаешь. Я смотрю на него. Он на меня. Я улыбаюсь; он улыбается; я делаю движение… о, еле-еле, еле-еле; он отвечает кивком головы: «да» — и входит. Дорогая моя! Он входит в парадный подъезд. Ты себе представить не можешь, что происходило во мне в эту

минуту! Я думала, что сойду с ума! О, какой ужас! Ты подумай, ведь он будет говорить с прислугой! С Жозефом, который всей душой предан моему мужу! Жозеф, конечно, подумает, что я давно знакома с этим господином. Что делать? Скажи! Что делать? Он должен сейчас позвонить, сию секунду! Ты скажи, что делать? Я подумала, что всего лучше было бы бежать к нему навстречу, сказать ему, что он ошибается, упросить его уйти. Он сжалился бы над женщиной, над бедной женщиной! И вот, я бросаюсь к двери и открываю ее как раз в тот момент, когда он уже поднес руку к звонку.

Я пролепетала, совсем как сумасшедшая:

— Уходите, уходите, вы ошибаетесь, я честная женщина, я замужем. Это была ошибка, ужасная ошибка; я приняла вас за одного знакомого, на которого вы очень похожи. Сжальтесь надо мной!

И вот, милая моя, он начинает смеяться и отвечает:

— Здравствуй, моя кошечка. Мне, видишь ли, известна твоя история. Ты замужем, значит — два луидора вместо одного. Ты их получишь. Ну, покажи мне, куда идти.

И он меня толкнул, потом запер дверь; я стояла перед ним испуганная, а он поцеловал меня,

обнял за талию и заставил войти в гостиную, которая была открыта. Потом он стал все разглядывать, точно какой-нибудь судебный пристав, и сказал:

— Черт подери, у тебя очень мило, очень шикарно. Ты должно быть, сейчас в большом затруднении, если работаешь при помощи окна!

Тогда я начинаю его умолять:

— О, уходите, уходите! Сейчас придет мой муж! Он придет сию секунду, это его время! Я вам клянусь, что вы ошибаетесь!

А он спокойно мне отвечает:

— Ну, красавица, довольно этих фокусов. Если придет твой муж, я ему дам сто су, чтобы он шел напротив.

Заметив на камине карточку Рауля, он меня спросил:

— Вот этот твой… а… твой муж?

— Да, это он.

— Довольно красивая рожа… А это что такое? Твоя подруга?

— Это была твоя фотография, дорогая моя. Знаешь, в бальном платье? Я уже сама не знала, что говорю, и прошептала:

— Да, это моя подруга.

— Очень хорошенькая! Ты меня с ней позна-

комишь?

И вот, часы начали бить пять, а Рауль каждый день возвращается в половине шестого! Ты только подумай, что было бы, если бы он вернулся раньше, чем тот ушел? Тогда… тогда… я потеряла голову… окончательно… я подумала… Я подумала… что… что было бы лучше… отделаться от этого человека… как можно скорее… Чтобы все было кончено… понимаешь?.. И вот… вот… раз это было необходимо… а это было необходимо, дорогая моя… он не ушел бы без этого… Тогда я… я… заперла дверь в гостиную… Вот и все.

Маленькая маркиза де-Ренидон начала хохотать, хохотать как сумасшедшая, уткнувшись лицом в подушку; вся ее кровать тряслась. Немного успокоившись, она спросила:

— А он… он был красивый?

— Ну, да.

— И ты жалеешь?

— Но ведь… но ведь… видишь ли, дорогая моя, дело в том, что… он сказал… что завтра он опять придет в это же время… и я ужасно боюсь… Ты понятия не имеешь, как он упрям… и настойчив… Что делать?.. Скажи мне… что делать?

Маленькая маркиза села на кровати, чтобы подумать; потом она вдруг объявила:

— Сделай так, чтобы его арестовали.

Баронесса была поражена. Она пробормотала:

— Как ты говоришь? О чем ты думаешь? Арестовать его? Под каким предлогом?

— О, это очень просто. Ты должна отправиться к комиссару и сказать ему, что этот господин преследует тебя целых три месяца; что вчера он имел дерзость войти в твою квартиру; что он пригрозил тебе завтра прийти опять и что ты ищешь защиты у закона. Тебе дадут двух полицейских, которые его арестуют.

— Но, дорогая моя, если он расскажет…

— Дурочка! Ведь ему не поверят, если только ты сумеешь хорошо рассказать свою историю комиссару. И поверят тебе, светской, ничем не запятнанной женщине.

— О, я никогда не решусь.

— Надо решиться, дорогая моя, или ты погибла.

— Подумай, ведь он… меня оскорбит… Когда его станут арестовывать.

— И отлично, у тебя будут свидетели, и ты сделаешь так, что его осудят.

— На что осудят?

— На уплату за убытки. В этом случае надо быть безжалостной!

— Ах, да… кстати, об убытках есть одно обстоятельство, которое меня очень тяготит… очень… Он оставил мне… два луидора… на камине.

— Два луидора?

— Да.

— Только?

— Только.

— Это мало. Меня бы это обидело. Ну, так что же?

— Так вот, что делать с этими деньгами?

Маленькая маркиза несколько секунд колебалась, но потом отвечала серьезным тоном:

— Дорогая моя… Надо бы… надо бы… сделать маленький подарок твоему мужу… Это было бы только справедливо.

Драгоценности

Господин Лантан, встретив эту молодую девушку на вечере у одного своего сослуживца, был опутан любовью, как сетью. Это была дочь провинциального учителя, много лет тому назад умершего. В Париж приехала она с матерью, которая старалась бывать в нескольких буржуазных семействах своего квартала, в надежде выдать девушку замуж. Они были бедны и порядочны, тихи и добры. Молодая девушка казалась тем образцом совершенно честной женщины, которому всякий благоразумный молодой человек мечтает вверить свою судьбу.

Ее скромная красота, прелесть ангельской невинности и едва заметная улыбка, никогда не покидавшая ее лица, казались отражением ее души. Все окружающие пели ей гимны; все, кто ее знал, без конца повторяли:

— Счастлив тот, кто будет ею обладать. Невозможно найти ничего лучше. Господин Лантан, бывший тогда чиновником в министерстве внутренних дел, с окладом в три тысячи пятьсот франков в год, сделал ей предложение и

женился.

Он был с ней невероятно счастлив. Она вела хозяйство с такой мудрой расчетливостью, что казалось, — они живут роскошно. Не было недостатка ни во внимании, ни в нежности, ни в ласках, которыми она награждала своего мужа; и очарование ее было так велико, что через шесть лет после встречи он любил ее еще больше, чем в первые дни.

Он порицал в ней только две слабости: страсть к театру и к фальшивым украшениям. Ее подруги (она была знакома с женами нескольких скромных чиновников) часто ей доставляли ложи в театр на ее любимые пьесы и на первые представления; и она насильно таскала мужа на эти различения, которые его ужасно утомляли после трудового дня. Тогда он ее упросил согласиться ездить с одной из знакомых дам, которая ее потом провожала бы. Она долго не соглашалась, находя такой образ действий несколько неудобным. Наконец, из любезности, она на это решилась, и он был ей бесконечно благодарен.

Но страсть к театру привела ее к необходимости наряжаться. Ее туалеты были просты, но всегда сшиты с подлинным вкусом и скромны. Ее тихая грация, грация непобедимая, скромная и

улыбающаяся, казалось, еще более выделялась от простоты ее платьев. Но у нее появилась привычка подвешивать к ушам пару огромных камней, похожих на бриллианты; кроме того, она носила колье из фальшивого жемчуга, браслет нового золота и гребни, украшенные поддельными камнями, которые играли, как настоящие.

Ее муж, которого немного коробило от этой любви к мишуре, часто повторял:

— Дорогая моя, если нет возможности купить настоящие драгоценности, следует появляться украшенной только своей красотой и грацией; вот самые редкие драгоценности.

Но она тихо улыбалась и повторяла:

— Чего ты хочешь? Я это люблю. Это мой порок. Я знаю, что ты прав, но это неисправимо. Будь эти драгоценности настоящие — я бы их обожала!

И, перебирая пальцами жемчужное ожерелье, она заставляла сверкать грани камней, повторяя:

— Но посмотри, как это хорошо сделано. Можно поклясться, что они настоящие.

Он улыбался, говоря:

— У тебя вкус цыганки.

Иногда вечером, когда они оставались вдвоем дома, она ставила на стол, где они пили чай,

сафьяновый ящичек, в котором она хранила свою «мишуру» — как называл ее вещи господин Лантан; она принималась рассматривать свои фальшивые драгоценности с терпеливым вниманием, как бы ощущая тайную и глубокую радость; и она упорно надевала одно из своих ожерелий на шею мужа, чтобы потом смеяться от всего сердца, крича:

— Какой ты смешной!

Потом она бросалась к нему в объятия и целовала его, как сумасшедшая.

Однажды, в зимнюю ночь, она вернулась из оперы, дрожа от холода. На другой день у нее начался кашель. Через неделю она умерла от воспаления легких.

Лантан сам едва не последовал за ней в могилу. Его отчаяние было столь ужасно, что он поседел в один месяц. Он плакал с утра до вечера, с душой, разбитой невыносимым отчаянием; его преследовали воспоминания об улыбке, голосе и всем очаровании умершей. Время не сглаживало его горя, Часто, во время служебных часов, когда товарищи приходили поболтать о текущих делах, щеки его вдруг оттопыривались, нос съеживался, глаза наполнялись слезами, он делал ужасную гримасу и начинал рыдать. Он в неприкосно-

венности сохранил комнату своей подруги и запирался там ежедневно, чтобы думать о ней. Даже вся мебель и платья ее оставались на том же месте, где были в последний день.

Но жить ему становилось трудно. Его жалованья, которого в руках жены хватало на все необходимое в хозяйстве, стало недостаточно для него одного. Он с удивлением спрашивал себя, каким образом она умудрялась подавать ему всегда прекрасное вино и тонкие кушанья, которых теперь он уже не мог себе доставлять при своих скромных средствах. Он наделал много долгов и прибегал вообще к разным хитростям, знакомым нуждающимся людям. Наконец, однажды утром, он оказался без единого су; эту было за неделю до конца месяца, и он решил что-нибудь продать; и сейчас же ему пришла мысль развязаться с «мишурой» жены, потому что в глубине души у него сохранилась злоба против этих «фальшивых» вещей, которые он всегда ненавидел. Их вид ежедневно слегка отравлял ему воспоминания о той, которую он любил.

Он долго копался в груде мишуры, которую она оставила; до последних дней своей жизни она упорно покупала ее, принося почти каждый вечер новую вещь; и вот он остановился на боль-

шом колье, которое она, казалось, любила больше всего, и которое, вероятно, стоило, как он думал, шесть или восемь франков: для поддельной вещи колье было сделано очень хорошо.

Он положил его в карман и отправился в свое министерство; он шел по бульварам и искал лавочку золотых дел мастера, которая бы более или менее внушала доверие. Наконец, он разыскал подходящую и вошел, немного стыдясь своей бедности, заставляющей его продавать вещь, стоящую так мало.

— Я хотел бы знать, — сказал он продавцу, во сколько оцените вы эту вещь?

Человек взял колье, стал рассматривать его, вертеть и взвешивать на руке, потом взял лупу, позвал своего приказчика, отдал ему тихо какое-то приказание, положил колье на прилавок и стал глядеть на него издали.

Господин Лантан, чувствуя неловкость от всей этой процедуры, открыл было рот, чтобы пояснить:

— О, я знаю, конечно, что это не имеет никакой цены.

Но вдруг продавец сказал:

— Милостивый государь, это стоит от двенадцати до пятнадцати тысяч франков; но я не могу

купить колье до тех пор, пока вы меня точно не познакомите с его происхождением.

Вдовец вытаращил глаза, не понимая в чем дело, и, наконец, пробормотал:

— Что вы говорите?.. Вы уверены…

Торговец, не так поняв его удивление, сказал сухим тоном:

— Вы можете поискать в других местах; может быть, вам дадут больше. По-моему, это стоит самое большее пятнадцать тысяч. Вы возвратитесь ко мне, если не найдете ничего лучшего.

Господин Лантан, совсем обалдев, взял свое колье и ушел, чувствуя необходимость остаться одному и подумать. Но как только он вышел на улицу, он не мог удержаться от смеха и подумал: Дурак! Вот дурак! Надо бы мне его поймать на слове! Вот так ювелир, который не может отличить поддельного от настоящего.

И он вошел к другому продавцу в начале улицы де-ла-Па. Как только продавец увидел ожерелье, он воскликнул:

— Черт возьми! Да я его хорошо знаю: это колье куплено у меня.

Господин Лантан, сильно смущенный, спросил:

— Сколько оно стоит?

— Видите ли, я продал его за двадцать пять тысяч. Я готов его взять обратно за восемнадцать тысяч, но только в том случае, если вы мне укажете, как полагается по закону, каким образом оно к вам попало.

На этот раз Лантан сел, подавленный удивлением.

— Но… но посмотрите на него внимательно, возразил он, — я думал до сих пор, что оно… поддельное.

Ювелир отвечал:

— Не назовете ли вы свое имя?

— С удовольствием. Меня зовут Лантан, я служу в министерстве внутренних дел, и живу на улице Мартир, шестнадцать.

Продавец раскрыл свои книги, разыскал что-то и сказал:

— Это колье было послано по адресу госпожи Лантан, улица Мартир 16, двадцатого июля 1876 года.

И оба посмотрели друг на друга; чиновник — пораженный неожиданностью, а ювелир предполагая в нем вора.

Потом ювелир сказал:

— Не хотите ли оставить эту вещь только на сутки, под расписку?

Господин Лантан пробормотал:

— О, да, конечно, — и он вышел, складывая бумажку, которую затем положил в карман.

Потом он перешел улицу и пошел по ней; заметив, что ошибся дорогой, прошел в Тюльери, перешел Сену, опять заметил свою ошибку и направился к Елисейским полям без всякой определенной мысли. Он силился рассуждать, понять, в чем дело. Его жена не имела возможности покупать вещи такой ценности. Нет, конечно. Но тогда это был подарок? Подарок! Подарок — от кого? Почему? Он остановился и стал как вкопанный, посредине улицы. В нем шевельнулось ужасное подозрение. Она… Но в таком случае и все другие драгоценности — тоже были подарки! Ему показалось, что земля заколебалась, и что дерево перед ним рухнуло; он протянул руки и свалился без чувств.

Он пришел в себя в лавочке аптекаря, куда прохожие его принесли. Он попросил проводить себя домой и заперся. До ночи он плакал, как безумный, кусая свой носовой платок, чтобы не кричать. Потом бросился в постель, отягченный усталостью и горем, и заснул тяжелым сном.

Луч солнца его разбудил, и он не торопясь встал, чтобы идти в свое министерство. Тяжело было

идти работать после подобных волнений. Тогда он решил, что мог бы извиниться перед своим начальником, и написал ему письмо. Потом он подумал, что надо вернуться к ювелиру, и покраснел от стыда. Он долго колебался. В то же время нельзя было оставить колье у этого человека; он оделся и вышел.

Была прекрасная погода, голубое небо расстилалось над городом, который, казалось, улыбался. Гуляющие проходили мимо Лантана, заложив руки в карманы. Лантан говорил себе, смотря на проходящих: «Конечно можно быть счастливым, когда есть состояние: имея деньги, можно даже примириться с горем! Идешь куда хочешь, путешествуешь, развлекаешься! О, если бы я был богат!»

Он заметил, что голоден, так как не ел уже два дня. Но карман его был пуст, и он вспомнил о колье. Восемнадцать тысяч франков! Это все-таки сумма! Он отправился на улицу де-ла-Пэ и начал прохаживаться по тротуару напротив магазина. Восемнадцать тысяч франков! Двадцать раз он хотел войти, но каждый раз стыд его удерживал. В то же время он был голоден, очень голоден, и у него не было ни одного су. Он внезапно решился, бегом перебежал улицу, чтобы не осталось вре-

мени передумать, и очутился перед ювелиром.

Заметив его, ювелир вежливо поздоровался и с улыбкой предложил стул. Приказчики тоже пришли и смотрели в сторону Лантана с веселыми глазами и с улыбкой на губах. Ювелир объявил:

— Я собрал сведения, милостивый государь, и если у вас все те же намерения, то я готов заплатить сумму, которую вам предлагал.

Чиновник пробормотал:

— Ну, конечно.

Ювелир вынул из ящика восемнадцать тысячных плетов, счел и протянул их Лантану, который подписал счет и дрожащей рукой положил деньги в карман. Потом, уже уходя, он обернулся к торговцу, который продолжал ему улыбаться, — и сказал, опустив глаза:

— У меня есть еще драгоценности… которые мне достались… по тому же наследству. Вы согласны у меня их купить?

Ювелир воскликнул:

— Ну, конечно!

Один из приказчиков вышел, чтобы посмеяться вволю, а другой усиленно сморкался. Лантан, спокойный, красный, но важный, произнес:

— Я хочу их вам привезти.

И он взял извозчика, чтобы привезти драго-

ценности.

Когда он через час возвратился к торговцу, тот все еще не завтракал. Они принялись рассматривать вещи одну за другой, оценивая их. Почти все были приобретены в этом магазине. Теперь Лантан спорил о цене, сердился, требовал торговые книги, и по мере того, как повышалась сумма, все более и более возвышал голос.

Большие бриллиантовые серьги были оценены в двадцать тысяч франков, браслеты в тридцать пять тысяч, брошки, кольца и медальоны в шестнадцать тысяч, парюра из изумрудов и сапфиров в четырнадцать тысяч; солитер, подвешенный на золотой цепочке в виде колье, — в сорок тысяч франков; все вместе достигло ста девяносто шести тысяч франков.

Продавец проговорил с добродушной насмешкой:

— Вероятно, эта особа обращала все свои сбережения в драгоценности.

Лантан произнес важно:

Да, некоторые таким образом помещают свои деньги…

И он ушел, решив с покупателем, что окончательная сделка будет совершена на следующий день.

Очутившись на улице, он посмотрел на Вандомскую колонну с желанием на нее залезть, точно это была мачта. Он себя чувствовал очень легко, способен был играть в чехарду и прыгнуть через вознесенную до неба статую императора. Он пошел завтракать к Вуазен и пил вино ценою в двадцать пять франков за бутылку. Потом он взял извозчика и проехался по Булонскому лесу. Он смотрел на экипажи с некоторым презрением, подавляя желание крикнуть проезжающим:

— Я тоже богат! У меня двести тысяч франков!

Вспомнив о своем министерстве, он направился туда и смело вошел к своему начальнику, говоря:

— Я пришел, милостивый государь, чтобы подать в отставку. Я получил наследство в триста тысяч франков.

И он пошел пожать руки своим прежним товарищам и посвятить их в свои планы новой жизни; потом он обедал в Английском кафе. Сидя рядом с каким-то господином, который казался ему приличным, он не мог удержаться от желания объявить тому, с некоторым кокетством, что он только что получил наследство в четыреста тысяч франков. Первый раз в жизни он не скучал в театре и провел ночь с женщиной.

Шесть месяцев спустя он женился во второй раз. Его вторая жена была порядочная женщина, но с тяжелым характером. Она заставляла его много страдать.

В пути

Вагон, начиная с Канн, был переполнен. Все пассажиры были между собой знакомы и болтали. Когда проезжали Тараскон, кто-то заметил: «Это здесь происходят убийства». И начался разговор о таинственном неуловимом убийце, жертвой которого, время от времени, становился какой-либо путешественник. Каждый делал предположения, говорил свое мнение; женщины, дрожа смотрели через стекла на надвигающуюся ночную тьму, в страхе ежеминутно ожидая, что вот-вот в дверях появится разбойник. Начались рассказы об ужасных встречах с сумасшедшими в курьерском поезде, о ночах, проведенных в вагоне наедине с какой-нибудь подозрительной личностью.

Всякий из мужчин счел своим долгом рассказать о каком-нибудь происшествии, в котором он, при исключительных обстоятельствах, выказал замечательное мужество и силу духа, устрашил, поразил и обезвредил какого-либо преступника. Наконец, один врач, проводивший постоянно зиму на юге, сказал:

— Я сам никогда не имел случая испытать свое

мужество в подобной ситуации, но я знал одну женщину, мою пациентку, теперь уже умершую, с которой случилось очень странное происшествие, таинственное и загадочное.

Это была графиня Баранова, русская аристократка, женщина чудной красоты. Вы знаете, как хороши бывают русские женщины, или по крайней мере кажутся прекрасными со своими тонкими чертами лица, серо-голубыми глазами и несколько строгой грацией. В них есть что-то пленительное, гордое и нежное, мягкое и суровое, словом, что-то очаровательное для француза. А может быть в действительности только в различии национальности и типажа заключается для меня вся их прелесть.

Ее домашний врач, заметив, что ей грозит чахотка, старался убедить ее отправиться в южную Францию, но в течение нескольких лет она упорно отказывалась оставить Петербург. Наконец, в прошлую осень, видя, что ее смерть близка, врач предупредил мужа, а тот отправил ее немедленно в Ментону.

В своем вагоне она была совершенно одна, так как прислуга разместилась в другом отделении. Печально сидела она, глядя на мелькавшие перед ее взором поля и деревни, чувствуя себя такой

одинокой, всеми оставленной, не имея ни детей, ни родных. Муж разлюбил ее, и вот он отправляет ее одну, на чужбину, как посылают в больницу заболевшего лакея. На каждой станции ее слуга Иван, приходил осведомиться не нужно ли ей чего. Это был старый слуга, слепо ей преданный, готовый исполнить любое ее указание.

Наступила ночь, и поезд мчался очень быстро. Графиня не могла уснуть, и ей пришло в голову пересчитать деньги, которые муж дал ей в последнюю минуту перед отъездом. Она открыла мешочек и высыпала на колени все деньги, разменянные на французские золотые монеты.

Вдруг она почувствовала, что холодная струя воздуха пахнула ей в лицо. Подняв голову, она заметила, что дверь вагона открылась. Графиня, растерявшись, быстро накрыла деньги своим платком и ждала, что будет дальше. Через несколько секунд в вагоне появился, запыхавшись, молодой человек с непокрытой головой, во фраке, раненный в руку. Он запер дверь, уселся, глядя сверкающими глазами на свою соседку, затем перевязал платком руку, из которой текла кровь.

Молодая женщина со страха чуть не упала в обморок. Она была уверена, что этот человек ви-

дел, как она пересчитывала монеты, и пришел ее ограбить и убить. Он все пристальнее смотрел на нее, задыхаясь, с искаженным судорогой лицом, готовый, как ей казалось, накинуться на нее.

Вдруг он сказал ей: «Сударыня, не бойтесь». Она ничего не ответила, будучи не в состоянии открыть рот, чувствуя страшное сердцебиение и шум в ушах.

«Поверьте, сударыня, что я не злодей», — продолжал незнакомец.

Она все молчала, но вдруг от сделанного ею неловкого, внезапного движения золотые монеты рассыпались на пол.

Молодой человек с изумлением смотрел на этот поток золота и нагнулся, чтобы собрать деньги.

Тогда она в страхе вскочила и бросилась к двери, с намерением выскочить из вагона; но он, поняв это, кинулся к ней, схватил ее, насильно усадил и, удерживая ее за руки, говорил: «Выслушайте меня сударыня, я не злоумышленник и докажу вам это сейчас же тем, что соберу и возвращу вам деньги. Но если вы не поможете перейти мне границу, я погиб. Я не могу вам сказать ничего больше. Через час мы будем на последней русской станции. Через час и двадцать минут мы перейдем русскую границу. Если вы мне не

поможете, я пропал. Клянусь вам, сударыня, что я не убивал, не грабил и не совершил ничего бесчестного. Ничего больше я вам сказать не могу».

Став на колени, он собрал все деньги, нагибаясь и подбирая монеты, покатившиеся под скамейки, затем, наполнив мешочек, он возвратил его соседке и, не говоря ни слова, уселся в другом конце вагона.

Оба оставались неподвижными долгое время. Под влиянием испытанного страха, она сидела молча, но мало-помалу успокаивалась, он же оставался недвижимым в своем углу, устремив глаза прямо перед собой в одну точку, бледный, как смерть.

По временам графиня украдкой бросала быстрый взгляд на незнакомца. Это был человек лет тридцати, очень красивый, с благородной осанкой.

Поезд мчался в ночной темноте, испуская изредка жалобные вопли, замедляя по временам ход и затем пускаясь в путь с прежней скоростью. Но вдруг он пошел медленнее, раздалось несколько свистков и поезд остановился.

У двери вагона появился лакей Иван, спрашивая, не будет ли каких указаний. Графиня Мария, посмотрев еще раз на своего странного спутника,

обратилась к слуге, и сказала ему резким тоном:

— Иван, ты вернешься домой, к графу, ты мне более не нужен.

Изумленный слуга вытаращил глаза и пробормотал:

— Но, как же, барыня?

— Я раздумала брать тебя с собой, — сказала графиня, — и хочу, чтобы ты вернулся домой. Вот тебе деньги на обратный путь, а ты оставь мне свою шапку и пальто.

Смущенный старый слуга безмолвно повиновался, привыкнув исполнять всегда беспрекословно самые странные прихоти господ и удалился со слезами на глазах.

Поезд двинулся дальше, направляясь к границе. Тогда графиня сказала своему спутнику: «Оденьте это пальто и шапку; теперь вы мой слуга Иван, но только при одном условии, чтобы вы никогда со мной не разговаривали и ни в коем случае не выражали мне никакой благодарности».

Незнакомец безмолвно поклонился в знак согласия.

Вскоре поезд был остановлен, и в вагон вошли чиновники для проверки пассажиров. Графиня протянула им свои бумаги и, указывая на человека, сидевшего в глубине ее вагона, сказала: «Это

мой слуга, Иван, вот его паспорт».

Поезд двинулся дальше.

Всю ночь провели они наедине, вдвоем, и ни один из них не промолвил ни слова. Утром, когда поезд остановился на какой-то немецкой станции, незнакомец вышел и, стоя у двери вагона, произнес: «Простите, сударыня, что я нарушаю ваше условие, но я лишил вас слуги, а потому обязан его заменить. Не нужно ли вам что-либо?»

Она холодно попросила прислать ей горничную. Он исполнил это, а затем исчез. Когда она выходила на какой-нибудь станции в буфет, то видела, что он издали следил за ней. Таким образом прибыли они в Ментону.

Доктор на минутку умолк, потом опять начал.

Однажды, во время приема пациентов, ко мне в кабинет зашел высокий господин и сказал: «Доктор, я пришел к вам узнать, как здоровье графини Марии Барановой. Я друг ее мужа, хотя она меня не знает».

Я ответил, что положение ее безнадежно, и она, к сожалению, домой уже не вернется. Молодой человек зарыдал, встал и вышел, шатаясь, как пьяный.

В тот же вечер я предупредил графиню, что какой-то незнакомец осведомлялся о ее здоровье.

Она казалась тронутой и рассказала мне историю, которую я вам теперь передаю.

— Человек этот, который мне совсем незнаком, — прибавила графиня, — следует теперь за мной, как тень; я его встречаю каждый раз, когда выхожу из дома; он странно смотрит на меня, но никогда со мной не разговаривает. Вот и теперь я ручаюсь, что он находится под моими окнами.

Она встала со своей кушетки, подошла к окну, подняла занавес, и оказалось, действительно, на скамейке, напротив ее квартиры, сидел молодой человек, который приходил утром ко мне.

Заметив нас он встал и удалился, не взглянув даже ни разу в нашу сторону. Таким образом пришлось мне наблюдать вещь удивительную и печальную — безмолвную любовь двух людей, совершенно не знавших друг друга.

Обязанный ей своим спасением, он полюбил ее и был предан ей до самой смерти. Ежедневно приходил он ко мне осведомляться, как она поживает, и горько плакал, замечая, что она с каждым днем становится все слабее и бледнее.

Она же мне сказала: «Я только раз говорила с этим странным человеком, а между тем, мне кажется, что я знаю его уже лет двадцать».

Когда они встречались, она отвечала на его

поклон с серьезной очаровательной улыбкой. Совершенно одинокая, понимая, что конец ее близок, она была счастлива, чувствуя, что любима с таким постоянством и уважением, так поэтично и с такой готовой на все преданностью. Однако, верная своему экзальтированному упрямству, она ни за что не соглашалась принимать его, узнать его имя или поговорить с ним. «Это испортит нашу странную дружбу, — говорила она. — Нам следует остаться чужими друг для друга».

Он же, по всей вероятности, был в свою очередь каким-то Дон-Кихотом и не делал никакой попытки к сближению, он хотел до конца исполнить данное им в вагоне нелепое обещание никогда с ней не разговаривать.

Часто, когда слабость заставляла ее целые часы проводить лежа на кушетке, она изредка вставала и подходила к окну посмотреть, здесь ли он. А увидев, что он сидит неподвижно всегда на одной и той же скамейке, напротив ее окна, она ложилась обратно со счастливой улыбкой на губах.

Наконец, однажды, в десять часов утра, она скончалась. Когда я выходил из гостиницы, он подошел ко мне страшно взволнованный. Он знал уже о печальном событии.

— Я хотел бы видеть ее хоть на одну минутку, — прошептал он.

Я взял его за руку и вернулся с ним в дом. Очутившись у постели, на которой лежала покойница, он схватил ее руку, поцеловал и убежал, как умалишённый.

— Вот, — прибавил доктор, помолчав немного, — самое удивительное дорожное приключение, какое мне известно. Надо признать, что бывают иногда очень странные, ненормальные люди. Одна из находившихся в вагоне дам пробормотала вполголоса:

— Эти двое не были вовсе так безумны, как вы думаете. Они были… Они были…

Дальше говорить она не была в состоянии, так как разрыдалась. Чтобы утешить ее сменили тему разговора, а потому так и не узнали, что же она хотела сказать.